

С. В. Алпатов¹

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-183-188

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова***ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СКАЗОЧНОГО РЕПЕРТУАРА А.К. БАРЫШНИКОВОЙ²**

В статье исследуется проблема генезиса двух вариантов сюжета «Про солдата» (записи 1925 и 1936 гг.) воронежской сказочницы А. К. Барышниковой. Сравнение фольклорного нарратива с рядом русских переводов и переложений романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» позволило установить, что источником сказки Куприянихи стала немецкая переработка И. Г. Кампе «Робинзон младший» в пересказе учителя А. П. Сердобольского под редакцией Л. Н. Толстого (1862), многократно переиздававшегося в кон. XIX – нач. XX в. Полученные результаты открывают перспективу сопоставительного анализа выявленного литературного оригинала и текстов А. К. Барышниковой с точки зрения преобразования идейной и образно-стилевой ткани первоисточника в русле жанровых и историко-культурных стереотипов сказочницы.

Ключевые слова: сказка, литературные источники, принципы переработки

S. V. Alpatov*Lomonosov Moscow State University***LITERARY SOURCES OF THE NARRATIVE REPERTOIRE OF A.K. BARYSHNIKOVA**

The article examines the problem of the genesis of two variants of the plot “About a Soldier” (recorded in 1925 and 1936) by the Voronezh storyteller A. K. Baryshnikova. A comparison of the folklore narrative with a number of Russian translations and adaptations of Defoe’s novel “Robinson Crusoe” demonstrates that the source of the tale was the “Robinson the Younger” by I. Campe in the retelling of the teacher A. P. Serdobolsky edited by L. N. Tolstoy (1862; reprinted 1874, 1933). The results open up the prospect of a comparative analysis of the established literary original and texts by A. K. Baryshnikova in the aspect of transforming the conceptual and stylistic pattern of the primary source in context of the genre and cultural stereotypes of the storyteller.

Keywords: fairy tale, literary sources, principles of transforming

Изучение проблемы литературных источников фольклорных сюжетов в репертуаре выдающихся сказочников XX столетия остается актуальным направлением современной отечественной фольклористики [Добровольская, 2018a; 2018b]. Объектом настоящего исследования стали два варианта уникального сюжета известной воронежской сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой, очевидным образом ассоциированные с романом Д. Дефо «Робинзон Крузо».

¹ Сергей Викторович Алпатов – доктор филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва). E-mail: alpserg19@yandex.ru

² Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Первая фиксация сюжета была осуществлена в 1925 г. Надеждой Павловной Гринковой. Сознвая литературное происхождение нарратива и его скромные художественные достоинства, собиратель изыала из архива текст полевой записи [Сказки Куприянихи, 2001, с. 332], однако изданная в сборнике «Художественный фольклор» за 1926 г. опись репертуара А. К. Барышниковой сохранила под № 29 «Путешествие» следующую аннотацию сюжета: «Во время бури *матрос*³ спасся на необитаемом острове, где прожил 15 лет, приручая *диких животных*. Прибивает бурей другой корабль, где оказываются его знакомые. Забрали его и повезли в *Россию*. На пристани встретила его жена, а он от радости тут же и умер» [Гринкова, 1926, с. 87].

Заслуга повторной фиксации сюжета принадлежит Анне Михайловне Новиковой и Иосифу Антоновичу Оссовецкому, опубликовавшим в 1936 г. новый вариант под заголовком «Про солдата»: «Стал тонуть корабль. Выскочил *солдат* из корабля и, вот тебе, схватил топор и отрубил доску. *Остался он на доске матрос*. Вот он по морю плавал-плавал и все никак не прибьется к берегу. Уж у него ни хлеба, ничего нет. Приплыл он на остров. Поймал себе рыбу, вырубил из камня огня, пожарил эту рыбу, съел, лег на солнышке, отоспался – сколько дней, сколько ночей не спал, плавал-то! Потом пошел по лесу шататься. Там птички кой-какие, там *козы лихие*. Он давай себе лачужку рыть вместо избушки. Вырыл лачужку – ну что твоя изба, обделал! Поймал себе *коз диких* – они к нему *привыкли*. Наловил он кур себе – все стали *мирные*. А диких там несметно. Там идут к нему медведи лесовые. Хоть народу нету, ну, он с птицей этой развлекал время. И коз доил, масло набирал себе. Вот завидел раз: корабль плывет. Они [на корабле] думали, что неприятель. Он махает – они сильнее гонят. Он и зашумел: «Ах, ах, погибший я!» Они вернулись, забрали это все его барахло: четыре козы, десять кур (*приобрел себе диких, они стали все равно как русские*). А прочих зверей не взяли. Как сели на корабль, они как кричали! *Волки к нему привыкли, зайцы привыкли, медведи русские были*. Привезли они его все-таки в *свое царство*. *Семейные дюже рады были*» [Сказки Куприянихи, 2001, с. 147].

Как видно из сопоставления выделенных компонентов процитированных записей, оба варианта сохраняют из событийного ряда романа Дефо эпизод кораблекрушения, этапы обустройства жизни на острове через преодоление оппозиции «свое – чужое» (культурное, человеческое, «русское» vs природное, неприрученное, «лихое»), а также возвращение домой («в *Россию*» / «свое царство»). Вместе с тем, хэппи-энд второго варианта Куприянихи (сходный с итогом первой части романа Дефо) резко контрастирует с финалом варианта первого – герой умирает от радости при встрече с женой. Наиболее простым объяснением выявленных отличий может быть краткое и фрагментарное знакомство А. К. Барышниковой с сюжетом романа Дефо (в чьем-либо пересказе или при чтении вслух), компенсированное творческой импровизацией, основанной на богатом сказительском опыте.

³ Здесь и далее в цитатах курсив наш. – С.А.

Типологически, сочетание образа *солдата* с мотивом *смерти на пороге дома* отсылает к кругу мифологических, балладных и новеллистических сюжетов о возвращении «с того света» (обмиравшего – с хождения по мукам; заведенного лешим – из лесу; горемычного купца – из-за трех морей; безвременного молодца / нежданного солдата – в родную семью) с общим топосом «пришел, рассказал и умер». Закономерным продолжением намеченных параллелей выступает и архетипическое сходство фигур Робинзона, безмянного матроса Куприяники, былинного Садко и библейского Ионы в рамках мотивного комплекса «корабль с грешником стал в бурю на море» [Ковпик, 2008]. Исследование указанных типологических параллелей может быть продолжено на корпусе воронежских и общерусских сказочных и эпических мотивов⁴. Однако в настоящей статье мы сфокусируемся на поиске историко-генетических связей рассматриваемых текстов А. К. Барышниковой с обширной традицией русскоязычных переводов, переложений, подражаний и переработок романа Дефо.

Роман D. Defoe “The Life and Adventures of Robinson Crusoe” (1719) вышел в русском переводе Якова Трусова «Жизнь и приключения Робинзона Круза, природного англичанина» в 1762–1764 гг. и выдержал ряд переизданий в 1775, 1787 и 1811 гг. В тот же период в России появляется ряд переводов немецкой адаптации J. H. Campe “Robinson der Jüngere, ein Lesebuch für Kinder” (1779): «Новый Робинзон Крузе, служащий к увеселению и наставлению детей» (перевод Ф. Печерина, 1792; 1819), «Робинзонова колония, продолжение Кампиева Робинзона» (1811, 1844), «Приятная и полезная книга для детей, или Повествование о населении Робинзонова острова в Южной Америке, представленная в нравоучительных разговорах отца с детьми» (1814), «Новейший детский Робинзон, или Любопытнейшие приключения Робинзона Крузе. Рассказ отца своим детям» (1839; 1849), «Подарок детям. Робинзон Крузе» (1845), «Сокращенный Робинзон (1843; 1853), «Робинзон младший» (М., 1853) и др. [Алексеев 1983].

Ключевым аргументом в пользу установления конкретного литературного прототекста стали не только данные статистического и историко-культурного свойства (доступность печатных материалов в Большой Верейке, потенциальный интерес неграмотной сказочницы и лиц, транслировавших ей сюжет, к объемной романной форме), но и очевидные «родимые пятна» интертекста. В ходе сопоставительного анализа текстов российской робинзонады наше внимание было сосредоточено на трех обозначенных выше сюжетно-тематических узлах: кораблекрушение, приручение животных, возвращение домой. Суммируя промежуточные этапы анализа, констатируем для большинства текстов стереотипность разработки оппозиции «человеческое – природное», нарративную дисперсность темы возвращения героя в цивилизованный мир и невыразительность ключевого эпизода кораблекрушения. Гораздо подробнее и драматичнее разработана сцена первой бури на море.

⁴ Ср. разработки данного методологического аспекта в статьях [Добровольская, 2016; Пухова, 2020].

Адресный поиск интертекстуальных связей данного эпизода позволил выявить специфическую связь варианта Барышниковой с пересказом версии Й. Г. Кампе учителем Головеньковской школы А. П. Сердобольским, осуществленным по поручению Л. Н. Толстого [Мартыненко, 2017]. «Робинзон» Сердобольского был помещен во втором номере педагогического журнала «Ясная Поляна» за 1862 г., переиздан в 1874 г. А. А. Эрленвейном в антологии «Из Ясной поляны (журнал Л. Н. Толстого). Рассказы для крестьянских ребят», в 1933 г. вышел отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия». В художественной структуре ключевого эпизода первой бури у Сердобольского выделяется характерный перебой в именовании персонажа – солдат / матрос:

«На третий день начался большой ветер, гром и молния, буря; дождь пошел как из ведра; *матросы* держались за что попало, чтобы их с море не снесло... А ветер делался все больше и больше: паруса порвало и дальше уже нельзя было плыть, а снизу еще со дна корабль прошибло, и начала вода в него течь. «Теперь мы пропали!» закричали все. Робинзон, как услышал это, так и упал *на землю*, как мертвый. Все стали *выкачивать* воду, чтоб корабль не потонул. Один *солдат* и говорит Робинзону: «Что ж ты один лежишь! Не видишь все работают; мы все до смерти измучились, *таскавши* воду» [Робинзон, 1933, с. 7].

Кроме того, отметим общий фольклоризованный облик повествования, нарушающий бытовое правдоподобие и вместе с тем сохраняющий стилевое единство новеллы: герой вместо палубы падает за смертью «на землю», матросы качают воду помпой и жалуются, что измучились «таскавши воду» (очевидно, ведрами)⁵. Думается, А. К. Барышникова обратила внимание именно на этот фрагмент совсем неслучайно.

Если проведенные наблюдения верны, то закономерен и вывод о том, что разница двух зафиксированных от А. К. Барышниковой вариантов обусловлена, скорее всего, не только свободной импровизацией по слабо усвоенной (до 1925 г. услышанной, к 1936 г. подзабытой) канве романа Дефо, но и повторным осмыслением сюжета, поддержанным знакомством с текстом яснополянского переложения «Робинзона» в издании «Молодой гвардии» 1933 г. В свою очередь, полученные результаты в свете наличия других литературных источников репертуара Куприянихи: рассказы Л. Н. Толстого «Чем люди живы» и «Бог правду видит, да не скоро скажет»; басня И. А. Крылова «Волк и журавль»; сказки «Король Дроздобород» братьев Гримм, «Дикие лебеди» Г.-Х. Андерсена; детская адаптация «Собора Парижской богоматери» В. Гюго [Сказки Куприянихи, 2001, с. 334, 337, 340, 343–345] – открывают перспективу систематического сопоставительного анализа выявленных литературных оригиналов и текстов А. К. Барышниковой с точки зрения преобразования идейной и образно-стилевой ткани первоисточников в русле жанровых и историко-культурных стереотипов сказочницы.

⁵ Ср. сходные приемы адаптации текста «Кодзики» М. П. Григорьевым: «После поражения змея Сусаноо женился на спасённой им девице Кусинада-химе, построил себе дворец в живописной местности Суга и стал жить-поживать да добра наживать» или «Тогда Сусаноо, недолго думая, *выхватил свой меч-кладенец* и начал крошить змея так, что даже река Хи-но-кава потекла кровью» [Налепин, 2020, с. 176].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, М. П. «Робинзон Крузо» в русских переводах / М. П. Алексеев // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. – Ленинград: Наука, 1983. – С. 83–95.

Гринкова, Н. П. Сказки Куприянихи / Н. П. Гринкова // Художественный фольклор. – Москва: Государственная академия художественных наук, 1926. – С. 81–98.

Добровольская, В. Е. Воронежские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) в контексте русской сказочной традиции / В. Е. Добровольская // Народная культура и проблемы ее изучения. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016. – С. 3–14.

Добровольская, В. Е. Иностранные заимствования в репертуаре русских сказочников / В. Е. Добровольская // Лингвофольклористика. – 2018. – № 27. – С. 26–37 (а).

Добровольская, В. Е. «Литературные предпочтения» русских сказочников: «авторская сказка» в фольклорном репертуаре / В. Е. Добровольская // Культура и текст. – 2018. – № 1 (32). – С. 201–203 (b).

Ковпик, В. А. Жанровые и эволюционные формы и воплощения сюжета «Грешник на море» в славянском и западноевропейском эпосе / В. А. Ковпик // XIV Международный съезд славистов. Письменность, литература и фольклор славянских народов. Доклады российской делегации. – Москва: Индрик, 2008. – С. 453–472.

Мартыненко, И. В. «Робинзон» в Ясной Поляне: переложения и переводы романа Д. Дефо / И. В. Мартыненко // Яснополянский сборник-2016. – Тула: Ясная Поляна, 2017. – С. 393–406.

Налепин, А. Л. Аксиомы фольклорного опыта в трудах русских философов первой трети XX века (В. В. Розанов, П. А. Флоренский, Е. Н. Трубецкой, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, А. А. Вановский) / А. Л. Налепин. – Москва: ИМЛИ, 2022. – 368 с.

Пухова, Т. Ф. Отголоски былинной традиции в воронежском фольклоре / Т. Ф. Пухова // IV Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры. – Москва: Государственный Российский дом народного творчества, 2020. – С. 419–430.

Робинзон. Обработка под ред. Л. Н. Толстого. – Москва: Молодая гвардия, 1933. – 63 с.

Сказки Куприянихи. Записи 1925–1942 гг. – Санкт-Петербург: Тропа Тропьянова, 2001. – 366 с.

REFERENCES

Alekseev, M. P. «Robinson Kruzo» v russkikh perevodah / M. P. Alekseev // Alekseev M. P. Sravnitel'noe literaturovedenie. – Leningrad: Nauka, 1983. – S. 83–95.

Dobrovol'skaya, V. E. Voronezhskie varianty skazki "Zhena uzha" (SUS 425 M) v kontekste russskoi skazochnoi traditsii / V. E. Dobrovol'skaya // Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2016. – S. 3–14.

Dobrovol'skaya, V. E. Inostrannye zaimstvovaniya v reper-tuare russkih skazochnikov / V. E. Dobrovol'skaya // Lingvofol'klori-stika. – 2018. – № 27. – S. 26–37 (a).

Dobrovol'skaya, V. E. «Literaturnye predpochteniya» russkih skazochnikov: «avtorskaya skazka» v fol'klornom repertuare / V. E. Dobrovol'skaya // Kul'tura i tekst. – 2018. – № 1 (32). – S. 201–203 (b).

Grinkova, N. P. Skazki Kupriyanihi / N. P. Grinkova // Hudozhestvennyj fol'klor. Moskva: Gosudarstvennaya akademiya hudozhestvennyh nauk, 1926. – S.81–98.

Kovpik, V. A. Zhanrovye i evolyucionnye formy i voploshcheniya syuzheta «Greshnik na more» v slavyanskom i zapadnoevropejskom epose / V. A. Kovpik // XIV Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Pis'mennost', literatura i folklor slavyanskih narodov. Doklady rossijskoj delegacii. – Moskva: Indrik, 2008. – S.453–472.

Martynenko, I. V. «Robinzon» v Yasnoj Polyane: pereložheniya i perevody romana D. Defo / I. V. Martynenko // Yasnopolyanskij sbornik-2016. – Tula: Yasnaya Polyana, 2017. – S. 393–406.

Nalepin, A. L. Aksiomy fol'klornogo opyta v trudah russkih filosofov pervoj tretej XX veka (V. V. Rozanov, P. A. Florenskij, E. N. Trubeckoj, B. P. Vysheslavcev, I. A. Il'in, A. A. Vanovskij) / A. L. Nalepin. – Moskva: IMLI, 2022. – 368 s.

Puhova, T. F. Otgoloski bylinnoj tradicii v voronezhskom fol'klоре / T. F. Puhova // IV Vserossijskij kongress fol'kloristov. T. 3: Kompleksnye issledovaniya tradicionnoj kul'tury. – Moskva: Gosudarstvennyj Rossijskij dom narodnogo tvorcestva, 2020. – S. 419–430.

Robinzon. Obrabotka pod red. L. N. Tolstogo. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1933. – 63 s.

Skazki Kupriyanihi. Zapisi 1925–1942 gg. – Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 2001. –366 s.